

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Д. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1480 Buenos Aires Argentina

AÑO XXXIII Buenos Aires, Viernes 3 de octubre de 1980

Буэнос Айрес, пятница 3 октября 1980 г.

N° 1596

ИГОРЬ ШАФАРЕВИЧ

АРЬЕРГАРДНЫЕ БОИ МАРКСИЗМА

(О РАБОТАХ Р. А. МЕДВЕДЕВА)

IV

Итак, мы столкнулись, наконец, с важнейшим постулатом марксистской идеологии: **МАРКСИЗМ — ЭТО НАУКА**. Сила этого положения в том, что оно вырывает любую проблему из сферы действия простых человеческих аргументов. Выводы, которые предлагает марксизм, оказываются следствием «имманентных законов или логики производства», не зависящих от нашей воли, с ними так же бесполезно бороться, как с наступлением солнечного затмения. И так же наивно и сентиментально применять к ним категории справедливости или гуманности — как к закону всемирного тяготения. Именно благодаря этому мы часто можем увидеть в работах одного и того же марксиста высказывания, как бы принадлежащие двум разным людям. Например, Р. А. Медведев с человеческим сочувствием и состраданием рассказывает о невероятной (и почти неизвестной) трагедии, пережитой в 1919 году донским казачеством (в совместной с С. П. Стариковым работе «Жизнь и гибель Ф. К. Миронова»). Но вот в другой работе его мысль попадает в марксистскую колею, и он пожимает плечами: «Что ж поделать! Это эксперимент». Такова роль, которую играет утверждение о научном характере марксизма. Но в какой мере оно соответствует истине? Вопрос этот — обширный, и в духе настоящей работы естественно ограничиться одним его аспектом: относятся ли сами марксисты к своему учению как к науке? И попытаться проследить это на примере работ Р. А. Медведева.

Как считали и основоположники марксизма, научный анализ исторического процесса может быть применен, во-первых, к объяснению прошлого и настоящего, и во-вторых, к прогнозу будущего. В частности, переживаемая нами эпоха ставит перед марксистской мыслью ряд вопросов, из которых прежде всего бросаются в глаза следующие:

1) Является ли общество, возникшее в СССР, Китае, Северной Корее, на Кубе, во Вьетнаме, Камбодже — тем социалистическим обществом, наступление которого предсказывает марксизм?

2) Если в каких-то из этих случаев это не так, то какова экономическая и классовая структура этих обществ? Являются ли они классовыми обществами? Если да, то какие классы в них существуют и как они порождаются производственными отношениями, сложившимися в этих странах?

Пока нет ответа на эти вопросы, марксисты оказываются в несколько комическом положении теоретиков, с уверенностью объясняющих возникновение государства у древних германцев или генезис капитализма, но не знающих, как подступиться к явлению, протекающему на их глазах.

Попробуем выяснить, каково отноше-

ние к этим вопросам Р. А. Медведева. Для этого обратимся к его самому фундаментальному труду «К суду истории». Книга эта имеет подзаголовок «Генезис и последствия сталинизма». Не вдаваясь в дискуссию о том, что это за историческая категория — «сталинизм», согласимся с автором, что четверть века власти Сталина были одной из самых драматических эпох в истории нашей страны, ожидающей своего объяснения. Как же ее объясняет автор? Прежде всего бросается в глаза громадная роль, которую он отводит личности Сталина. Многократно говорится о жестокости, коварстве, властолюбии и честолюбии Сталина. С этим связано и большое значение, которое автор придает так называемому «Завещанию» Ленина, где тоже речь идет о личных качествах Сталина — грубости, капризности и т. д. Типичны такие заголовки: «Сталин — организатор и вдохновитель репрессий 1938 г.г.». И на последней странице книги автор еще раз повторяет свое убеждение, что сталинская эпоха «является еще одним свидетельством роли личности в истории».

Глава II называется «Об условиях, облегчивших Сталину узурпацию власти», тем самым подчеркивается, что эти условия не являются основной причиной, они лишь облегчают действия Сталина. Но посмотрим, какие же это условия. На первом месте здесь стоит культ, созданный вокруг Сталина, то есть знаменитый «культ личности» (§ 2, гл. II). Чем же объяснить появление культа? Автор ссылается на психологию революции: вызванные ею грандиозные перемены заставляют народ видеть в революционных вождях «каких-то неземных героев» (стр. 709-712). И играют роль «капиталистическое окружение» и «контрреволюционные организации» (стр. 729). Все эти факторы, естественные революционные эмоции, были направлены как бы по ложному руслу, по-видимому, по мнению автора, — злой волей Сталина. В книге все время встречаются выражения: «... Сталину удалось обмануть партию и народ» (стр. 728), «... Сталин извратил ленинские требования» (стр. 784).

Наконец, в § 10 главы II мы все же встречаем указание на необходимость анализа «социальных процессов, которые происходили в нашей стране после революции». В той же фразе автор обращает внимание на борьбу «между пролетарской и мелкобуржуазной моралью между прслетарскими и мелкобуржуазными и бюрократическими элементами в нашей партии». Автор несколько раз подчеркивает роль «мелкой буржуазии» в структуре сталинского аппарата власти. Он обращает внимание на мелкобуржуазное происхождение Сталина (с. 817), говорит: «Из этой именно мелкобуржуазной среды черпал сталинизм свои главные кадры» (стр. 825). Перед нами возникает уже что-то, похожее на классовую точку зрения, хотя и

не новую: в сталинские времена, например, называли сторонников Бухарина «агентурой кулака». Но если это звучало малоубедительно уже в конце 20-х годов, то о какой мелкой буржуазии можно было говорить в 1937 году, когда вся промышленность, включая самое мелкое ремесло, принадлежала государству и все крестьяне были в колхозах? Впрочем, Р. А. Медведев и сам не настаивает всерьез на таком взгляде, его последовательное проведение он называет «упрощенным и искаженным изложением действительного положения дел» (стр. 821). Неправильной является, по мнению автора, и теория «нового класса» Джиласа (стр. 1117).

Какая парадоксальная картина встает перед нами со страниц книги Р. А. Медведева! Яркими красками он рисует грандиозную драму, равную которой трудно найти в истории. «... Ни в одной сгормного урона в командном составе, какой понесла Советская Армия в предвоенные годы» (стр. 414). «... За два года репрессий было арестовано и убито больше членов коммунистической партии, чем за все годы подпольной борьбы, за годы трех революций и за пять лет гражданской войны» (стр. 452). Автор полагает, что «по самым осторожным предположениям» в 1936-1939 г. г. было казнено не менее 500.000 человек (стр. 460), а это БОЛЬШЕ ЧЕМ В 100 РАЗ превосходит число казненных во время РЕВОЛЮЦИИ 1905 года. Если верно, что «История всех предшествующих обществ это история борьбы классов» (Коммунистический манифест), то вот где эта теория могла бы найти блистательное подтверждение! А если даже такой грандиозный конфликт не поддается «классовому анализу», то зачем этот анализ вообще нужен? Если история определяется развитием производственных сил и производственных отношений, «имманентными законами или логикой производства», то какая благодатная задача для исследователя, владеющего «имманентными законами», — показать, как они определили этот катаклизм, до корней потрясшей громадную страну! Увы, во всех этих ожиданиях книга Р. А. Медведева нас обманывает. Все объяснения, которые она предлагает для этой грандиозной драмы, в конце концов ведут нас к личным свойствам и побуждениям Сталина, как будто автор взялся на этом примере опровергнуть классическое положение марксизма: «... выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать». (Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

В книге Р. А. Медведева мы не встречаемся ни с анализом борьбы классов,

ни с производительными силами, производственными отношениями и их диалектическими противоречиями. Зато в одном отношении она очень ценна: она является ярким примером того, что марксисты сами не рассматривают свой «научный метод» как средство для анализа исторических явлений. Роль его совершенно иная, мы уже встречались с ней и на примере других работ Р. А. Медведева: «придать своим положениям характер законов, не зависящих от воли людей и не подлежащих нравственной оценке».

(Те же возражения вызывает книга Р. А. Медведева и в более широком плане: в ней трудно найти не только марксистское, но и какое-либо другое объяснение списываемых событий, разве лишь то, что наделенный от природы очень дурными чертами характера Сталин «извратил» течение исторического процесса — ла и эта концепция не «патры» или «насморка на историю». В книге много черт, невозможных в серьезном историческом исследовании: например, как сообщает в предисловии сам автор, он пользуется только работами исследователей, придерживающихся одинаковых с ним политических взглядов — «буржуазная», «троцкистская» и «зарубежная» литература им игнорируется. Книгу оживляет большое число цитат из неизвестных работ и мемуаров, — по-видимому, в распоряжении автора имеется много подобных сочинений. Однако для историков вряд ли могут быть полезны отрывки из источников, личность автора, общая установка, время написания и степень достоверности которых остаются неизвестными. Тщательное издание этих источников было бы несравненно полезнее. В последующих же работах Р. А. Медведева исчезает и этот элемент. Они носят характер не слишком пространных деклараций: с минимумом аргументов определенные точки зрения провозглашаются, а другие взгляды и люди — осуждаются).

V

Вторая задача, на которой «марксистский научный метод» мог бы себя проявить — это прогноз будущего. И этот вопрос даже более интересен, так как с ним, очевидно, связано реальное значение всей литературной деятельности Р. А. Медведева. По-видимому, основная аудитория, к которой он обращается — это лево-ориентированная западная интеллигенция, желающая почерпнуть в его работах уверенность, что она смело может добиваться осуществления марксистских принципов, что ее не ждет в будущем опыт, аналогичный пережитому нашей страной. (По крайней мере я узнал о всех последних работах Р. А. Медведева по западному радио, и мне стоило большого труда достать некоторые из них здесь, в Самиздате). Не обнаружив «научного» и «классо-

вого» анализа истории нашей страны, мы вряд ли можем надеяться встретить «научное» обоснование того, что эта история не повторится на Западе, если он пойдет по пути, который предлагает ему марксизм и социализм. И действительно, единственный аргумент, который мне удалось обнаружить в работах Р. А. Медведева, не основан ни на анализе соотношений классовых сил, ни на «логике производства»: «Однако история, вопреки известному афоризму, все же многому учит и отдельных людей, и целые классы. Поэтому великие исторические трагедии, пережитые одним народом, очень редко повторяются в жизни других стран и народов» (Международное положение СССР и пути разрядки). Некогда Энгельс, с высоты «единственно научного метода», иронизировал над бакунистами, говоря, что они выдвигают «свое нетерпение в качестве теоретического аргумента». Но ведь и благоразумие западных коммунистов — аргумент, не на много более теоретический. Да и сам исторический факт, на который ссылается автор, весьма сомнителен. Хотя аналогия с Французской революцией не сходилась во времена Русской революции с языка, русские революционеры не научились на этом примере даже тому, что люди понимают обычно яснее всего, — как удерживать на шее собственные головы: они развязали революцию, в которой — в точном соответствии с французским прецедентом — погибли почти поголовно. И общая тенденция здесь как раз не в сторону смягчения: Французская революция была куда более жестокой, чем Английская, а Русская — далеко превзошла Французскую. Поэтому можно думать, что Американская или Западноевропейская революция будущего по размаху кровопролития превзойдет все до сих пор виденное.

Дальше мы не встречаем не только «научного марксистского анализа», но и вообще никаких аргументов: «Не развивая здесь подробно этой темы, нужно, тем не менее, со всей определенностью сказать, что западные страны обладают иными традициями, иной социальной, экономической и политической структурой, чем царская Россия 1917 года. Поэтому коммунистические и социалистические движения Запада имеют возможность найти собственный путь создания справедливого социалистического порядка, избежав и гражданских войн и террористической диктатуры, но, напротив, сохранив привычные для Запада институты и политический плюрализм» («Международное положение СССР и пути разрядки»).

Вопросом можно что-то утверждать, да еще «со всей определенностью», притом «не развивая подробно эту тему». Западные левые жадно прислушиваются к Р. А. Медведеву как к своему единомышленнику, который может помочь им понять загадочный для них опыт России, ибо сам был ему причастен. И он с легким сердцем советует им идти вперед, не заботиться о последствиях и верить, что у них все обязательно кончится хорошо, — не имея в то же время для этого никаких аргументов (или по какой-то загадочной причине не желая их обнародовать). Довольно ли это?

Конечно, современный Запад во многом отличается от дореволюционной России. Но для того-то и надо было бы «подробно развить эту тему», чтобы выяснить, в какой стороне будут влиять эти различия. На Западе имеется старая традиция участия в политической жизни, основанной на многопартийной системе, почти полностью отсутствовавшая в России. Но зато там развита и несравненная техника манипулирования психикой человека при помощи средств информации, рекламы и приманок материального изобилия. И в предреволюционной России свирепствовал терроризм, но не в такой степени, как сейчас на Западе. — по крайней мере, правительство не вступало в переговоры и соглашения с террористами. Слова Столыпина «Не запугаете!» вряд ли мог бы повторить кто-либо из современных западных политиков. Та степень отрицания всего существующего общества, его культуры и морали, от которой существенно зависит размах и радикализм революции, — на Западе сейчас гораздо выше, чем в предреволюционной России. Мысль Ж.-П. Сартра, что «Джирокоунду было бы не жалко сжечь, в России мог бы высказать разыскиваемый полицией заговорщик вроде Бакунина (и говорил очень похоже), — но в устах почтенно-

го философа она была бы невозможна. А сексуальная или «психоделическая» революция, «суинг» или Берлинские коммуны шокировали бы русских нигилистов больше, чем современных благонамеренных буржуа.

Не кажется столь уж фантастической гипотеза, что ряд факторов, в том числе большой вес консервативного крестьянства и влияние христианства в народном мировоззрении и интеллигентской культуре, — сильно смягчили характер революции в России, так что она является не у с и л е н н ы м, а о с л а б л е н н ы м вариантом того, что может проявиться на Западе. Несколько приведенных выше замечаний, конечно, не являются попыткой доказательства такой гипотезы: мы хотели лишь указать, насколько сложным и неочевидным является этот вопрос. Он требует тщательных и объективных исследований, которых скорее всего и можно было бы ждать от историка, предлагающего нам вместо этого голословные утверждения, сделанные «со всей определенностью».

VI

Как действовали бы близкие по взглядам Р. А. Медведеву левые круги Запада (например, так называемые «евро-коммунисты»), если бы власть оказалась в их руках? Как они на деле отнеслись бы к инакомыслию и оппозиции? Вопрос этот, быть может, будет проверен экспериментально, если власть к ним в руки попадет, однако жизнь показала, что такой эксперимент может дорого обойтись. Безопаснее попробовать извлечь какую-то информацию из модели, которая находится перед нами. — попытка, как чуждые и несимпатичные автору точки зрения воспринимаются, например, в работах Р. А. Медведева.

Прежде всего бросается в глаза, что любое мнение, отличное от того, которое придерживается сам автор, встречается предельно враждебно и подозрительно. Так, говоря о течении «западников», автор пишет: «Есть среди «западников» и крайние группы, которые доходят до апофеоза восхищения его достоинствами» («Социализм и демократия»). Подчеркнуто мною, И. Ш.). Очевидно, такая точка зрения представляется ему какими-то Геркулесовыми столбами, до которых доходят только отчаянные люди. Ее надо было бы скрывать, как тайный порок, а они, пренебрегая приличиями, высказывают ее о т к р ы т о !

Звучат как «группа воинов и религиозных националистов» (Там же. Подчеркнуто опять мною). Интересно, что это значит — воинствующие? Считает ли, например, Р. А. Медведев себя воинов и марксистом?

Вот какими эпитетами награждает автор своих оппонентов. Об А. Д. Сахарова: «Беспомощность теоретических рассуждений» («О книге А. Д. Сахарова «О стране и мире»). Об «Инициативной группе прав человека»: «Некоторая неразборчивость в суждениях, действиях и связях» («Социализм и демократия»). Об А. И. Солженицыне: «Вздорный тезис» («Вопросы, которые волнуют каждого», журнал «XX век»). П. Г. Григоренко характеризуется как «анархист» и «экстремист», не владеющий марксизмом («Социализм и демократия») — и это в то время, как Григоренко содержался для принудительного лечения в психиатрической больнице «особого типа»! Оппоненту спешно да рядом предъявляется обвинение в жульничестве, подлоге — причем ничем не аргументированное. Так, по поводу А. И. Солженицына автор говорит: «Сознательная фальсификация» («Международное положение СССР и пути разрядки»). Даже советский закон о понятие «заведомо ложных измышлений» включает не только фактическую неверность распространяемых сведений, но и уверенность в том, что распространявшее лицо знало об их неверности. Если Р. А. Медведев предполагает, что А. И. Солженицын неправ, — откуда же происходит уверенность в с о з н а т е л ь н о й ф а л ь с и ф и к а ц и и ? Почему не предположить, что он просто ошибся? Это было бы так естественно, — ведь он не владеет единственно научным методом, доступным Р. А. Медведеву! Уж казалось бы, можно предположить, что дочь может и с к р е н н е заблуждаться в оценке

родного отца. Но дочь Сталина высказывает мысль, что Сталин арестовал родственников ее матери под влиянием Борни, и наш автор заявляет: «Но это конечно, сознательная ложь» («К суду истории», с. 385). И все, и больше никаких аргументов!

А вот несколько полемических приемов, используемых Р. А. Медведевым. В одном своем выступлении А. И. Солженицын привел некоторые высказывания Маркса и Энгельса против демократии (например, «демократия хуже монархии и аристократии»). Р. А. Медведев видит в этом ф а л ь с и ф и к а ц и ю, так как цитаты «вырваны из контекста» и — это ранние статьи Энгельса, написанные за год до встречи с Марксом. При этом он не приводит этих цитат и не объясняет, почему они «вырваны из контекста» (да это и невозможно объяснить). Читатель не может проверить и утверждения автора о том, что эти высказывания опубликованы за год до встречи Энгельса с Марксом. А это утверждение ПРОСТО НЕ ВЕРНО. Маркс познакомился с Энгельсом лично в августе 1844 г. Одна из цитат, о которых идет речь, относится к 1866 году, другая — к сентябрю-октябрю 1844 и лишь третья — к 1843. что свидетельствует об устойчивости взглядов марксизма по этому вопросу. Я не буду возвращать Р. А. Медведеву обвинения в фальсификации, но с истиной он обходится довольно вольно. Но, пожалуй, замечательнее всего то, что сам Р. А. Медведев за несколько лет до Солженицына несколько раз ссылался на статьи Маркса о свободе печати, написанные в 1842 году, то есть на год раньше, чем самая ранняя из цитированных Солженицыным статей Энгельса, — как за выражение подлинных взглядов Маркса («Социализм и демократия», «К суду истории» стр. 717). В этом он не видел фальсификации.

О моей работе «Социализм» в сборнике «Из-под глыб» Р. А. Медведев пишет, например, «В «Подготовительных работах» к «Святому семейству» К. Маркс делает ряд выписок из своих статей оппонентов и предшественников из лагеря так называемого мелкобуржуазного, буржуазного и феодального социализма. Выписывая из черновиков Маркса те же цитаты. Шафаревич называет «автором этих ярких мыслей» самого Маркса. Какая уж тут может быть основа для полемики!» («Вопросы, которые волнуют каждого» в журнале «XX век»). Но, даже не заглядывая в Маркса, естественно было бы усомниться, что «опонен-

гажи свои взгляды такими словами (приведенными в моей статье): «это движение... выражается в совершенно женской форме, когда оно противопоставляет БРАКУ... ОБЩНОСТЬ ЖЕНЩИН...» Ведь это только в русских песнях XVIII века магометане говорили: «Клянусь жемчужками!» На самом же деле, прочитав это место из знаменитых «Экономико-философских рукописей 1844» К. Маркса (раньше был известен лишь отрывок их, считавшийся подготовительным черновиком к «Святому семейству»), легко убедиться, что там нет никаких «выписок из статей», но содержится систематическая критика коммунистического учения, которое Маркс называет «грубым коммунизмом». Эта (действительно яркая) критика и представляется мне интересной, причем в двух отношениях. Во-первых, Маркс выступает здесь в роли, столь часто встречающейся в истории социалистических идей. Он говорит, что предшествующие коммунистические теории были несостоятельны, они приводили к таким чудовищным выводам, как устранение талантов или общность женщин. Но они были «не научными» или «не революционными», а вот он, Маркс, укажет путь, минуя эти ужасы. То есть в области теории он — совершенно так же, как в области практической реализации марксизма говорят современные западные марксисты (и с ними Р. А. Медведев), обсуждая русский или китайский опыт. С другой же стороны, эта работа Маркса выдержана в духе гегелевского параллелизма между развитием идеи и развитием ее «эмпирического бытия». Поэтому логично предполагать, что последовательность: «грубый коммунизм» — «истинный коммунизм» Маркс переносил также и в историческую реальность, предвидя неизбежное наступление, в качестве первой фазы, — эпохи, соответствующей духу «грубого коммунизма». Впоследствии этот взгляд трансформировал-

ся у него в идею «диктатуры пролетариата».

Я несколько не сомневаюсь, что в других случаях Р. А. Медведев не объявляет «фальсификацией» цитаты, которыми сам пользуется. И что он не думает, будто кто-то, излагая свои взгляды, может сам называть их «совершенно животными». По-видимому, в этом конкретном вопросе проявляется крайнее нежелание понять неприемлемую из априорных соображений мысль или вернее твердая решимость ее не понять, отгородиться от нее первым попавшимся аргументом.

VII

Отзывы Р. А. Медведева на сборник «Из-под глыб» («Вопросы, которые волнуют каждого») — это очень типичный пример того, как он воспринимает «инакомыслие». Он пишет: «Составители сборника «Из-под глыб», и прежде всего Солженицын и Шафаревич, не просто не принимают социализм и социалистические идеи, их проповедь исходит из ненависти к социализму, допускающей при этом в борьбе со своими оппонентами любые средства... Что касается социальнополитических и экономических высказываний авторов сборника, то здесь вообще нет никакой основы для научной полемики».

«Полемика невозможна» — означает, казалось бы, что автор отказывается обсуждать этот предмет. Ничего подобного! Далее следует больше двух страниц текста, который я не знаю как называть: «обличение» или «разоблачение» (типичные отрывки приведены выше). Все это, как припевом, сопровождается словами «какая уж тут полемика!» Как же понимать весь этот текст? По-видимому, здесь перед нами нечто вроде суда, где нет прений сторон, подсудимых не заслушивают («полемика невозможна»), а гремит только обличающий голос прокурора. Приведа еще несколько цитат из моей статьи уже безо всяких комментариев, Р. А. Медведев резюмирует: «Спиритизм с подобными рассуждениями и пророчествами невозможно, ибо они порождены не логикой научного анализа, а эмоциями...», «...разум Шафаревича в значительной мере уже парализован...»

Живя в нашей стране, Р. А. Медведев должен очень хорошо понимать, что значит такое обвинение: «исходит из ненависти к социализму» (даже если оно не снабжено никакими доказательствами). Да еще сопровождаемое диагнозом «разум в значительной мере парализован!» Но и далекий от того, чтобы видеть здесь проявление каких-то личных качеств, глупо предположить, что в своей личной жизни автор руководствуется совсем иными нормами. Здесь же он подхвачен мощной волной марксистской традиции. С самого возникновения марксизма его сторонники просто не признавали чуждые им взгляды существующими; в отношении оппонентов переставали действовать любые моральные нормы, ибо речь шла о чем-то противоестественном и незаконном. Как-то А. И. Солженицын остроумно обратил внимание на прием марксизма: любую существенную критику объявлять «за рамками дискуссии», а дискуссией называть — когда принимается 95% марксистского учения и обсуждается 5% второстепенных деталей. К этому надо еще прибавить, что и этот небольшой процент открытых для дискуссии вопросов непрерывно уменьшается, неуловимо стремясь к нулю.

Перенесите эти взгляды из литературной деятельности в реальную политику, и вы получите ту самую гражданскую войну, террор и диктатуру, которых, — как думает Р. А. Медведев, — Запад может избежать, следуя по пути марксизма. Вместо литературных судов, где взгляды противников не разбираются, а только обличаются, — вы получите реальные суды, где подсудимые не имеют голоса, а защитники их сбивают. Вместо обвинения оппонентов в подлоге и жульничестве — их ликвидацию как шпионов и диверсантов. А намек: «разум парализован» реализуется как заключение в «психушку». Пока же есть возможность развивать эти взгляды только в теории. В таком положении были когда-то и основоположники марксизма:

«Это единственное, что нам остается, пока мы не сможем воплотить наши идеи в жизнь руками, а если надо, то и кулаками» (Письмо Энгельса Марксу, 19 ноября 1844 г.).

Л. ПОЖАРСКИЙ

НА ТЕМЫ ДНЯ

Чувство досады испытываешь, когда читаешь в зарубежной русской печати отклики на так называемое «покаяние» о. Дмитрия Дудко. Выражения «сломался», «сдался», «уступил» и т. п. пестрят в этих отзывах, даже самых благожелательных. Но даже в тех, которые смотрят на телевизионный трюк Кремля глупе и осторожнее, прорываются догадки и выражения, лишь льющие воду на кремлевскую мельницу.

Мы страдаем одной опасной болезнью — непростительной забывчивостью.

Мы забыли о тех бесчисленных процессах сталинских времен, когда перед изумленным и недоумевающим миром политические «преступники» в СССР не только возводили на себя нелепые обвинения, но и требовали применения к самим себе «заслуженной кары»! Мы забыли, как «бессмертные» разоблачения Никиты Хрущева раскрыли не столь уж хитрую технику этих признаний и раскаяний. И еще мы забываем: 1) что советская система живет и действует лишь непрерывным совершенствованием мер подавления любого инакомыслия и 2) нет тех средств для достижения своих целей, перед которыми остановилась бы советская власть. Приемлемым считается все, что соответствует настроению левой ноги сегодняшнего «культа».

Ищущий всегда находит. И если психиатры всего НОРМАЛЬНОГО мира озабочены поисками средств для превращения психически больных людей в здоровых, то советская психиатрия по приказу «партии и правительства» занимается поисками средств, превращающих психически совершенно здоровых в совершенно больных!

В тригическом случае с о. Дмитрием мы, несомненно, имеем дело с такого рода особым воздействием на психическую и физическую природу человека. Кремлевские мясники понимали, что любая судебная расправа с популярным проповедником религии лишь создаст ему ореол мученика. Надо было дискредитировать его морально и притом его «собственными руками». При современных медицинских средствах воздействия не так уж трудно повернуть «дело» в удобную сторону. — Можно заставить самого твердого, волевого человека плакать, хохотать или даже танцевать; можно заставить не спать неделями; можно внушить ему совершение таких поступков, о каких он раньше и не думал и не допускал мысли совершать их. Шприц,

таблетки и гипноз (да, да, — заядлые материалисты теперь широчайше пользуются и гипнозом!) — вот те «медикаменты», с помощью которых гонители инакомыслия стремятся к своей патологической цели.

Впрочем, есть еще средство, уже не медицинское, которое часто употребляют кремлевские режиссеры: ловко сфабрикованные фальшивые фото-снимки, «уличающие» и опорочивающие жертву. Ну и, конечно, давно известное всему миру средство — клевета (одно время сообщали, что о. Дмитрия обвиняли... в гомосексуализме!).

В самом СССР ни для кого не было тайной, что букет всех этих средств стали применять немедленно после ареста о. Дмитрия, иначе для чего бы они полгода держали его просто так?

По общему мнению тех, кто видел о. Дмитрия на экране телевидения, он выглядел совершенно НЕВМЕНЯЕМЫМ, автоматизированным. А можно ли считать человека в таком состоянии ответственным за свои слова и поступки? Ведь с самого начала, т. е. со дня его ареста было ясно, что с ним расправятся не так просто, как делают обычно кремлевские компрачкосы. Можно ли говорить, что он «сломался», «сдался» и т. д. и выражать сожаление о его «падении» вместо того, чтобы негодовать во всемирном масштабе по адресу палачей, инсценировавших это «падение»? Кремлевским режиссерам даже не хватило умения вытаскать на телевизионный экран человека в мало-мальски правдоподобно здоровом состоянии. Невозможно согласиться с тем, что о. Дмитрия просто «заставили» говорить казенную, штампованную бессмыслицу, которой никогда не скажет человек в нормальном состоянии психики, с ясной головой. И совсем уж неостроумной звучит догадка одного из авторов писем в «Нашу Страну» (№1587), где он пишет, что «о. Дмитрию пообещали, например, послабление в режиме для Церкви». Выходит, что о. Дмитрия легко было «купить» пустым обещанием (цену обещания советской власти о. Дмитрий знает не хуже нас с вами!). Ведь советчикам только и нужно, чтобы везде говорили, что прославленный проповедник «испугался», «уступил», «сдался», и тем самым сразу убит его моральный авторитет. Не пора ли нам наконец, хоть немного поумнеть, в отношении советских бинаторов?

Вернее всех, как ни странно, определили кремлевский телевизионный спектакль французские психиатры: они совершенно правильно указали на то, что эта инсценировка целиком компрометирует не о. Дмитрия, а советское правосудие (кривосудие) и психиатрию. Реальных фактов для обвинения о. Дмитрия в антигосударственной деятельности у них нет и не могло быть; его вина была лишь в том, что он проповедует христианскую мораль вместо обязательной в стране «победившего социализма» сверхготтентотской морали последователей Маркса-Ленина. Эти, последние, сорвавшись на А. Солженицыне (не догадываясь во-время «подлечить» его, да и само «лечение» тогда еще не было, очевидно, столь усовершенствовано), не упустили теперь случая воспользоваться «достижениями советской медицины».

А что с остальным западным миром? Там, очевидно, многие еще считают, что подобные события — чисто внутреннее дело СССР. Другое дело, если бы такие планомерные зверства или даже малая частица их, произошли бы в Южной Африке или Чили, например. Или если бы пострадали левые диссиденты!

Да что западный политический и культурный мир! — Литовские католики, воспользовавшись папским визитом в Польшу и как-то осмелились сообщить папе Иоанну-Павлу о своих горестях, — и что же? Этот вопль хотя и достиг ушей папы, но практических результатов не возымел никаких! Лишь в недавние дни польских волнений папа-поляк взволновался за соотечественников, да и то не с той решительностью, с какою когда-то папы карали малейшее ослушание даже европейских владетельных особ. Впрочем, не забудем, что Ватикан тоже имеет одергивающую руку, и не все удобное папе может быть сказано вслух!

ТОЛСТОВСКИЙ ФОНД сообщает, что по случаю первой годовщины смерти его основательницы и председательницы

АЛЕКСАНДРЫ ЛЬВОВНЫ ТОЛСТОЙ

2-го ноября с. г. в 12 часов в храме Св. Троицы (Бразиль 315) будет отслужена панихида.

† 28-го сентября 1980 года после продолжительной болезни скончалась на 84-ом году жизни наша любимая мать, свекровь, бабушка, прабабушка, тетя, двоюродная сестра и свояченица

СОФИЯ МИХАЙЛОВНА СКАЛОН

урожденная ПЛЕСКОВА

и погребена на кладбище Оливос,

о чем с глубоким прискорбием извещают сын протоиерей Владимир Скалон, невестка Вера Мстиславовна, внучки Анна и Татьяна и правнучка Софья, Андрей Ростовцев, Марина Толбузина, Тамара Евгеньевна Сатина, Мария Владимировна Брандт (урожденная Сатина), Кирилл Брандт, Александр В., Георгий В. и София В. Сатины и Анна Филипповна Титова.

† 29-го августа 1980 года скоропостижно скончался в Бад Гомбурге (Западная Германия) наш дорогой друг

ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ ПОЗДНЯКОВ,

о чем с прискорбием извещают Михаил Викторович Арцимович с супругой Софией Петровной и протоиерей Владимир Скалон с супругой Верой Мстиславовной.

Правда, есть прозревшие и на Западе, с опозданием понявшие, что такое советский коммунизм в действии, — вот вроде знаменитого чехословацкого атлетиста некто Яковас, или не менее знаменитого Али. Но странно: пока оба они любовались коммунистическими «достижениями» в СССР, путешествуя там по заранее намеченным маршрутам, их восхищению не было границ. Торжественные приемы. Банкеты. Ласковые слова, даже поцелуй. Негра даже принял «сам» Брежнев, — как тут не закружиться оудраченными головам! По возвращении в США Али восхвалял все виденное, восторгался беседой с «великим государственным деятелем» (его подлинное выражение!), поругивал американскую демократию, и — никто не подумал упрятать его в «психушку» за явно антиамериканские речи! Но стоило советским карателям вторгнуться в Чехословакию или в мусульманский Афганистан, сопровождая эти вторжения давно известными кремлевскими «методами убеждения», как затопки и мохаммеды сразу же прозрели и превратились в непримиримых врагов коммунизма: никакого «человеческого лица» они вдруг в нем не увидели! О чем думали раньше? Запомним тут же, что популярнейший у себя в стране Затопек исчез в неизвестность, а негр, поносивший советчиков за вторжение и жестокие репрессии в Афганистане, был скорговоркой отлучен на страницах советской печати.

Немного об Олимпиаде в Москве.

Трудно согласиться с А. Ростовым («Н. С.» №1588), что «Олимпиада имела успех и послужила советской пропаганде». Для некоторых, вроде участвовавших в ней спортсменов, возможно, — да; но в целом это была, конечно, КУЦАЯ Олимпиада, ибо основные соперники — США, Западная Германия, Канада, Япония, сильнейшая в спорте на черном континенте Кения и, главное, подавляющее большинство мусульманских стран — демонстративно отсутствовали. Можно спорить о том, нужен ли был спор-

тивный бойкот вместо торгово-политического. Советчики, конечно, делали вид, что «ничего особенного не случилось», а их печать до сих пор кричит о «несомненном успехе Олимпиады». Но если демонстративно отсутствовало пятьдесят (!), то назвать такую Олимпиаду полноценной и успешной можно лишь весьма относительно.

Неверно и утверждение некоторых из зарубежных авторов, будто обласканные и «закормленные икрой и водкой» иностранные репортеры будут сплошь очарованы приемом. Среди съехавших на Игры журналистов в основном ведь были не падкие на «икру и водку» любители легкой жизни, а стреляные газетные воробы, прекрасно замечавшие не только то, что тщательно выставлялось хозяевами.

Единственные, кто действительно блестяще выступили на Играх, это восточные германцы. При населении в 17 миллионов немцы, благодаря отличной организации, которую не убил даже советский административно-хозяйственный кабак, сумели одержать 47 побед при 80-ти победах у советских спортсменов (население СССР по советской статистике — 260 мил.), т. е. в процентном отношении далеко опередили хозяев Олимпиады!

Впрочем, лишние десятки наград «социалистические» страны получили как раз в тех видах спорта, где традиционно сильны особенно американцы (легкая атлетика, плавание, бокс, борьба), японцы (гимнастика и борьба), Кения (бегуны) и др. страны.

И еще показательный факт. Обычно советская печать скрупулезно вела ежедневный подсчет побед и очков. Впервые во время нынешних Игр ни одна советская газета не делала этой сводки, и даже по окончании Игр в журналах и газетах СССР лишь мельком было упомянуто несколько скромных цифровых данных с результатами. Откуда такая скромность? Не об этом ли, что в основном эти 80 побед были одержаны над начинающими спортсменами стран, «то-

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ РУССКУЮ ИСТОРИЮ?

1. В каком виде дошло до нас большинство летописей?
2. Утром 8 сентября 1380 г. русские полки переправились с левого на правый берег Дона и расположились на Куликовском поле. Что означал переход Дона?
3. Ради чего вела Россия Ливонскую войну 1558-1583 гг.?
4. Назовите русского флотоводца и ученого, после начала русско-японской войны назначенного командующим тихоокеанским флотом и погибшем вместе с большей частью экипажа на, подорвавшемся на мине, броненосце "Петропавловск".
5. Когда и кто утвердил законопроект министра народного просвещения П. М. Кауфмана - Туркестанского о введении в России всеобщего образования?

(Ответы на 4-й стр.)

За Россию!

РОВС

РУССКИЙ ОБЩЕ-ВОИНСКИЙ СОЮЗ

И

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

устраивают 2-го ноября 1980 года в 12.30 часов в зале при храме Св. Троицы (Бразиль 315)

День Непримируемости

который посвящается Белой Армии и генералу Кутепову, похищенному большевиками 50 лет тому назад.

ОРЮР

РОВС и ОРЮР приглашают всех белых военно-политических эмигрантов на этот акт.

ДЕНЬ НЕПРИМИРУМОСТИ — это смотр живым антибольшевицким силам и каждый из нас, своим присутствием, может обеспечить его успех.

РОВС и ОРЮР

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

— 16 —

— Да, но они плутали там, где не ступала наша с тобой нога... Не приснилось бы и во сне. Кстати, ты не помнишь, как там у Блока в одной из последних

В тот момент я пересказал Володе это место из статьи Блока своими словами, теперь же, сидя за письменным столом, протянул руку к книжной полке и цитирую точно:

«Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура... Так же, как неразлучны в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотделимы от них, и друг от друга — философия, религия, общественность даже — политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке; Глинка и Чайковский выносят на поверхность «Руслана» и «Пиковую даму», Гоголь и Достоевский — русских старцев и К. Леонтьев, Рерих и Ремизов

лько что освободившихся от колониального гнета» и с которыми советским атлетам было далеко не так интересно и ценно состязаться, как было бы с первоклассными атлетами многих из отсутствовавших стран? Блеск завоеванных в Москве медалей все-таки оказался довольно тусклым.

В заключение немного олимпийской статистики.

Берлинскую Олимпиаду 1936 г. (при Гитлере!) посетили 1.200.000 гостей из других частей Германии, среди них полтора тысяч иностранцев. По словам московских газет на прошедших Играх в Москве побывало 220.000 гостей, включая заграничных! Многие за границей не верили, что по распоряжению советского правительства (конечно, негласному) мало кто пропускался в Москву из советской провинции. Теперь придется маловероятно поверить! Невозможно представить, чтобы по всему СССР оказалось так ничтожно мало интересовавшихся Олимпиадой!

Л. ПОЖАРСКИЙ

— родную старину. Это признаки силы и юности...»

... По дороге было много интересно, но мы проехали мимо Боярынярем и могилы боярыни Морозовой, обогнули Калугу, не останавливаясь в Перемышле, не заезжали в Тихонову пустынь, в тот же Полотняный завод. Кое-что лежало у самой дороги, кое-что — в стороне, однако можно бы завернуть в одно, другое место, жалеть не пришлось бы.

Но тогда, во-первых, не доехали бы до Козельска в тот же день, а во-вторых, разменяли бы свой капитал внимания. Когда едешь в какое-нибудь новое место, у тебя в запасе неразменный рубль внимания. Сто копеек. Так вот, эти копейки можно начать тратить еще по дороге. Сколько-нибудь останется и к концу поездки, но уже не цельный, а разменный рубль. В Козельск мы въехали и с Василием Николаевичем Сорокиным встретились, имея в запасе полноценный целковый.

Василий Николаевич был пожилой человек с копной седых волос, с красивым, выразительным лицом. Какой-то, я бы сказал, упрек или укор постоянно вырвалось это лицо, как будто человек хо-

тел сказать всем остальным: «Что же вы, люди? Зачем же вы так?»

Это могла быть голова художника, музыканта, профессора какого-нибудь, но как-то не вписывалась она в крохотный краеведческий музейчик в крохотном городе Козельске.

Впрочем, музей можно назвать крохотным, если не иметь в виду, что под опекой этого музея находятся все мемориальные объекты в самом Козельске и вокруг него, включая и саму Оптину пустынь.

На Оптину мы решили оставить завтрашний день с утра до вечера, а сегодня посмотреть сам Козельск да бросить взгляд — ближе к вечеру — на Березинский холм, когда силуэт его маленького города, почти села, образовывали в XVII веке сорок церквей. Теперь, хоть по подсчетам Василия Николаевича и значит в Козельске шесть церквей, в силуэте города участвует только одна из них, правда, очень красивая и с красивой же колокольной. Хоть бы она уж уцелела, потому что, если ее убрать, закрыть пальцем, как на картинке, заклеить бумажкой. — сразу исчезнет городок Козельск, а останется ординарный населенный пункт на холме.

Остатные церкви, как бы ни считали их Василий Николаевич существующими, фактически не существуют, кроме одной, действующей, которую не видно ни с какой точки города. В остальном это обломки, нижние части зданий, обесформленные и приспособленные под какие-нибудь нужды, например, под пекарню.

Я попросил, чтобы Василий Николаевич переписал мне все козельские церкви для памяти, и Василий Николаевич написал так:

«Церквей в Козельске шесть, действующая одна. Целых церквей две. В об-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИМЕНИ

ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА
В «Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича» поступили следующие суммы:
от Н. Н. — 50.000 песо.

Ответы на викторины

1. В виде летописных сводов, в которых соединены в единое повествование отдельные летописные записи, акты, повести, жития святых и пр.
2. Означал решимость русских полководцев сражаться до конца, так как возможность отступления сильно осложнялась тем, что в тылу русского войска находились реки Дон и Непрядва и глубокие овраги. В то же время такая позиция затрудняла обходные маневры татарской конницы.
3. Завоеванием Прибалтики русское правительство стремилось прорвать блокаду со стороны Ливонии, Польско-литовского государства и Швеции и установить непосредственное общение с европейскими странами через Балтийское море.
4. Вице-адмирал Степан Осипович Макаров (1848-1904).
5. Государь Император Николай Второй в 1906 году.

домках тоже две (Сошествинская и Вознесенская), а две, даже три (потому что Никольская хоть цела, но тоже порушена) требуют реставрации. Это Успенский собор и Пятницкая церковь. Самые ценные в архитектурном отношении, Вознесенская (1610 год) и Сошествинская (1730 г.), в развалинах, но их нужно и должно восстановить».

Одна из развалин (Сошествинская?), та, что вблизи краеведческого музея, образует вместе с окружением прямо-таки символическую картину. На свежий глаз, конечно. Потом уж, когда мы познакомились с городскими властями и шел у нас доверительный разговор о городе, о его внешнем виде, я сказал об этой картинке, и мои собеседники даже ахнули: «Как это мы сами не замечали!»

Тотчас распорядились навести порядок, и к утру порядок был наведен. Картинку же я увидел такую. Среди ровной травянистой площадки стоит кирпичный, как бы обтесанный со всех сторон, прямоугольный остов бывшего здания: амбар не амбар, башня не башня. Больше всего похоже на трансформаторную будку, только великовата, и сама кирпичная фактура, обкрошившаяся, обглоданная, уводит воображение от трансформаторной будки. Вокруг этого (не знаю, как его назвать) наподобие омывающих велн морского прибоя нагромождена масса порожних ящиков, тары, с этими характерными ячейками в каждом ящике. Наверное, из-под минеральной воды.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН
(Продолжение следует)

РУССКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ШКОЛА В ВИЖА БАЖЕСТЕР

Цикл собеседований, посвященных предстоящему

ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

В воскресенье 26-го октября 1980 года 3-е собеседование:

1. ПАЛОМНИЧЕСТВО. КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ РУССКОГО НАРОДА,

2. ДИАПОЗИТИВЫ СВЯТЫХ МЕСТ В ИЕРУСАЛИМЕ

читает и рассказывает В. М. Арцимович.

Начало в 17 часов

Фалучо 854

Вход свободный

Начало в 17 часов

Розыски

София Федоровна Шведова-Домбровская разыскивает Людмилу Chichenko. Звонить по телефону 701-7361

Толстовский Фонд по просьбе сводной сестры из США разыскивает Владимира Николаевича Меляновича, или Омеляновича, или Амеляновича. Год рождения 1930-31. В 1932 г. отец его вывез в Аргентину. В 1960 г. писал тетке в Польшу, разыскивая мать. Его аргентинский адрес потерян.

Лиц, что-либо знающих о нем, просьба сообщить по адресу Толстовского Фонда:

Fundación Tolstoy, Diagonal Norte 974, P. 9
1035 Buenos Aires - Argentina